

ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ*

© 2017 В. КОСТЕНКО

В работе рассматриваются основные современные подходы к объяснению гендерного неравенства в мусульманских обществах в целом и на Арабском Востоке, в частности. Гендерное неравенство в этом регионе привлекает значительное внимание ученых и общества, однако остается недостаточно изученным в силу нехватки надежных данных. Проблему положения женщин в странах с преимущественно исламским населением рассматривают с культурно-религиозной, исторической, экономико-институциональной, феминистски-критической точек зрения, но диалог между этими традициями только начинается, оставляя значительные лакуны в академическом знании.

Ключевые слова: гендерное неравенство, положение женщин в исламе, феминистская критика, женщины на Арабском Востоке

PROBLEMS OF GENDER INEQUALITY IN THE ARAB COUNTRIES

Veronica V. KOSTENKO, Laboratory for Comparative Social Research, NRU HSE, Russia (vvkostenko@hse.ru)

The article summarizes the most popular theoretical approaches to gender inequality in Islamic societies, and particularly in the Arab countries. Gender inequity in the region is a matter of international concern in Academia and among politicians, though it is still understudied due to the lack of reliable empirical data. Scholars study the problem of female mequality in predominantly Islamic societies from cultural and religious, historical, economic and institutional, and critically feminist standpoints. However, the discourse that could unite those approaches is yet young, which leads to obvious lacunae in academic knowledge.

Keywords: Gender inequality, women in Islam, feminist critique, women in the Arab countries

Положение мусульманских женщин вызывает серьезную обеспокоенность правозащитников и международных организаций, поскольку во многих странах, где ислам является господствующей религией, женщины находятся в неравноправном положении. Это проявляется во всех сферах жизни, начиная с абсолютного доминирования мужчин в политике и бизнесе и заканчивая необходимостью для многих закрывать лицо или голову, невозможностью работать вне дома, и т.д.

Безусловно, положение женщин отличается от страны к стране, причем самая тяжелая ситуация наблюдается в монархиях Персидского Залива, где до сих пор нередки случаи буквального толкования положений Корана относительно семейных отношений. Но даже в странах, где шариат не является основным законом**, женщины остаются зависимыми от воли своих отцов и мужей.

Во всем мире гендерное равенство связано с модернизацией и благосостоянием обществ [1]. Наблюдается высокая корреляция между различными оценками гендерного равноправия и ВВП или его социальным аналогом - индексом человеческого развития (ИЧР). Однако богатые страны Персидского Залива, такие как Саудовская Ара-

вия, Катар, Бахрейн, Кувейт, а также Иран, такой связи не демонстрируют. Это свидетельствует, что богатство не обязательно сразу ведет к росту равенства.

В литературе подробно описано, что мусульманские нормы якобы являются серьезным препятствием для получения женщинами достойного образования и карьерного роста. Например, профессор Чикагского университета, философ Марта Нуссбаум пишет о положении женщин в странах третьего мира с точки зрения прав человека и обеспечения базовых потребностей [2]. Она показывает на статистических данных, что в мусульманских странах женская смертность выше мужской, женщины часто подвергаются физическому

КОСТЕНКО Вероника Викторовна, н.с., Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ; преподаватель НИУ ВШЭ СПб. РФ, 192171, г. Санкт-Петербург, ул. Седова, 55, к. 2 (vvkostenko@hse.ru, veronika.kostenko@gmail.com)

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

** Шариат полностью принят на уровне уголовного и административного права в Мавритании, Судане, Йемене, Саудовской Аравии, Ираке, Иране, Афганистане и Пакистане (<https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2016>).

насилию, практически не защищены от произвола семьи с юридической точки зрения.

Эмпирические исследования демонстрируют, что женщины на Ближнем Востоке и в Северной Африке стремятся изменить свое положение [3]. Феминистское движение расширило права женщин в некоторых странах, особенно в Марокко, Тунисе и Ливане [4], однако говорить о серьезных сдвигах в общественном сознании, как минимум, преждевременно.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ

В книге «*The Arab Mind*» (1973 г., переиздана в 1983 г.) автор, американский востоковед Рафаэль Паттай, высказал примордиалистские* идеи о «менталитете арабов», в частности, о репрессивном характере гендерных отношений на Арабском Востоке [5]. В 1990-е - 2000-е гг. книга подверглась серьезной критике за бездоказательность, в ней арабы представлены как неделимая общность, не меняющая своих ценностей и установок.

Современные исследователи отказываются от конструирования образа арабских народов на основе стереотипов и обращаются к сравнительной методологии с использованием данных массовых опросов. Компаративные исследования гендерных установок на Ближнем Востоке стали возможны только в последние годы, когда появились количественные данные, собранные по общими методикам (в рамках проектов «Всемирное исследование ценностей» - *World Values Survey, WVS*) и «Арабский барометр» (*Arab Barometer*)**. Опросы такого рода позволяют делать статистически обоснованные выводы о некоторых закономерностях общественного развития, а также об изменениях ценностей и взглядов. Кроме того, этот подход дает возможность сравнить жителей разных стран на единых основаниях, избегая экзотизации.

В ряде исследований отмечается, что гендерные установки коррелируют с уровнем демократизации и поддержкой прав человека [6]. Например, один из основателей проекта «Всемирное исследование ценностей» Рональд Инглхарт из

Мичиганского университета и Пиппа Норрис, профессор сравнительной политологии из Гарварда, доказывают, что приверженность ценностям гендерного равноправия и принятие сексуальной либерализации - это самые надежные индикаторы поддержки принципов равенства и толерантности в обществе. По этой причине, несмотря на формальную (на словах) «значительную поддержку демократии среди жителей мусульманских обществ, она еще не имеет там серьезной ценностной базы, и поэтому не будет стабильной» [7, р. 68].

Один из крупнейших американских исследователей Арабского Востока в сравнительной перспективе, Марк Тесслер, в своих работах, основанных на данных проекта «Арабский барометр», показывает, что в Ливане высока поддержка гендерного равноправия, в Марокко и Тунисе она также значительна, а, например, в Йемене или на Палестинских территориях - минимальна [8].

Александр и Вельцель, макросоциологи из университетов Гётеборга и Леуфаны, рассматривают несколько возможных причин большей патриархальности мусульманских обществ в сравнительной перспективе [9]. Они проверяют гипотезы о структурных и институциональных причинах патриархальности в исламе и приходят к выводу, что эти объяснения недостаточны. С помощью статистического анализа опросных данных исследователи определяют, что принадлежность к исламской культуре и религии - стабильный предиктор патриархальности ценностных ориентаций. Однако повышение уровня образования и выход на рынок труда значительно понижают влияние этого фактора, особенно среди женщин.

Еще одной ключевой работой в этом направлении стала книга Стивена Фиша, политолога из Беркли, в которой он анализирует ценности мусульман в сравнительной перспективе [10]. С.Фиш приходит к выводу, что в большинстве областей жизни мусульмане отличаются от людей, исповедующих другие религии, и от атеистов в значительно меньшей степени, чем принято считать.

Он замечает, что они не поддерживают автори-

* Примордиализм (или эссенциализм) - одно из направлений в этнографии, в рамках которого этнос рассматривается как основанная на «земле и крови» изначальная, неизменная и генетически обусловленная общность людей. Этому подходу противопоставляется конструктивизм - теория об отсутствии изначальных характеристик этносов и их возникновении в результате социального конструирования. Один из основателей этого направления Эрнест Геллнер, британский философ и исследователь национализма, считал, что этничность существует «в голове», а не «в крови» (*прим. авт.*).

** «Всемирное исследование ценностей» - глобальный независимый социологический проект, в рамках которого жители 97 стран мира высказывают свои мнения о политике, религии, положении женщин, ценностях и т.д. Опубликованы данные за 6 периодов (т.н. волн) с 1981 по 2014 гг. (см.: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>).

«Арабский барометр» - международный проект, основанный в 2005 г. Институтом социальных исследований при Мичиганском университете. Исследуются мнения жителей 16 арабских стран по многим вопросам (гендерные установки, отношение к религии, политике и др.). Многие международные исследования региона опираются именно на этот надежный и открытый источник (см.: <http://www.arabbarometer.org/>). В настоящее время опубликованы данные, собранные в 2008, 2011 и 2014 гг., в ближайшее время появится четвертый блок данных за 2016 г.

таризм или смешение религиозной и светской власти. Некоторые показатели, такие как уровень самоубийств или разрыв между богатыми и бедными, в мусульманском мире ниже, чем в других странах. При этом гендерные установки в мусульманском, а особенно в арабском мире остаются самыми консервативными среди всех исследованных стран, и это отличие - наиболее значимая ценностная девиация данного региона [11].

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Некоторые исследователи говорят об исторических корнях гендерного консерватизма на Арабском Востоке, связанных со сменой идеологических ориентаций в постколониальный период [12]. Борьба арабских народов за независимость от колониальных империй в 1950-е - 1960-е гг. по своей идеологии была национальной, секулярной и модернизационной и не опиралась на ислам. Таким образом, в то время, когда происходило формирование взглядов современного старшего поколения, религия отошла на второй план, и относительно светские взгляды, а следовательно менее консервативное отношение к женщинам, остались присущи этим людям.

Для стран Арабского Востока, примыкавших к советскому блоку, особенно для Алжира и Йемена, распад СССР привел к контрмодернизационным процессам и к консервативному повороту в сфере взглядов и ценностей. Это было связано с прекращением финансовой поддержки этих стран и усилением бедности, а кроме того - с ослаблением пропаганды секулярности и равенства гендерных ролей, что было интегральной частью социалистической идеологии.

Одновременно с этим в середине 1980-х гг. произошло усиление исламского фундаментализма, связанное с притоком «нефтедолларов» в консервативные монархии Персидского залива. Этот процесс частично можно считать отзвуком холодной войны, поскольку Арабский Восток был одним из регионов, где разворачивалось противостояние сверхдержав. США сделали ставку на нефтяные монархии Персидского залива и победили в холодной войне, таким образом усилив идеологическую роль исламского фундаментализма в регионе. Эта победа вкупе с финансовым преуспеванием этих стран в большой степени определила вектор развития Ближнего Востока на несколько десятков лет [13].

Следует заметить, что идея идеологической подоплеки консервативного поворота оспаривается, в частности, социолог иранского происхождения Валентина Могадам утверждает, что стагнация гендерных установок в части стран региона связана с военными действиями и революцион-

ными событиями, всегда ведущими к откату ценностей к более традиционалистским [14].

ЭКОНОМИКА И ИНСТИТУТЫ

Некоторые исследователи, такие как Майкл Росс (профессор политологии в Калифорнийском университете, специалист по нефтедобывающим странам), пытаются выяснить причины большего неравенства женщин в исламских обществах, исходя из экономических особенностей развития арабских стран [15]. М.Росс полагает, что сверхдоходы от нефтяной ренты позволяют ряду наиболее авторитетных в исламском мире государств (в особенности, Саудовской Аравии) придерживаться крайне консервативных позиций относительно роли женщин в общественной, политической и семейной жизни.

В связи с высоким ВВП на душу населения, большинство подданных таких обществ, как мужчин, так и женщин, не нуждаются в выходе на рынок труда [16], а тяжелые работы выполняются иммигрантами, поэтому происходит стагнация образовательной системы, реальной конкуренции, замедлено или остановлено развитие институтов гражданского общества, в т.ч. борьбы за эмансипацию [17]. Ситуация усугубляется существованием репрессивных политических режимов (все эти страны - автократии, а Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ и Оман - абсолютные монархии), опирающихся на духовных лидеров.

Существуют исследования, в которых позиция Росса подвергается критике. Так, Паулин Дж.Луонг (директор центра изучения ислама в Мичиганском университете) и Эрика Вейнталь (политэкономист из университета Дьюка) в своей книге «*Oil is Not a Curse*» утверждают, что консерватизм и политическая неразвитость исламских обществ связана не с доходами от продажи нефти, а со структурой собственности и распределением богатств, а также слабостью формальных политических институтов [18].

В.Могадам пишет: «Чтобы понять причины успеха консервативных взглядов в мусульманских обществах, необходимо рассматривать это явление в более широком социально-политическом и экономическом контексте» [19]. Как она замечает в другой работе, «то, что мусульманские женщины отстают от западных в защите прав, мобильности, автономии и т.д., связано более всего с проблемами общественного развития, такими как уровень урбанизации, индустриализации и пролетаризации, равно как с уловками политических лидеров, а не с религиозными или культурными факторами» [14, р. 6].

Голландский социолог Нилс Спирингс и соавторы исследовали связь исламского вероиспове-

дания и гендерного равноправия, демонстрируя значительные различия между исламскими странами по уровню занятости женщин в формальном секторе экономики и их доли от всех занятых. Больше женщин занято в более модернизированных исламских обществах с высоким уровнем дохода (преимущественно нефтяного). Однако если сравнивать процент занятых женщин и мужчин в исламских обществах, то более важными становятся такие факторы, как уровень вовлеченности людей в демократические институты, степень исламизации (на государственном уровне) и развитость формальной демократии [20].

Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что мужчины и женщины не равны перед законом во многих арабских странах, и это сильнейшим образом ограничивает возможности женщин [21]. Как утверждает ливанская исследовательница А.Абу-Халиль, быть мусульманином на Ближнем Востоке - значит принудительно находиться под влиянием религиозно-политической индоктринации, которая финансируется государством и поддерживается семьей. При этом доминирование мужчин выражается не только в общественной жизни, культуре, экономике и политике, как в других странах, - оно еще закреплено юридически [22].

Филипп Фаргес, профессор Каирского университета, утверждает, что установки в арабских странах неуклонно сдвигаются, хотя и медленно, в сторону гендерного эгалитаризма, чему есть структурные причины. Этот процесс связан с демографическим переходом, поскольку среднее число детей на женщину в регионе сократилось до двух. Кроме того, уровень образования современных арабских девушек сейчас выше, чем у их матерей, и даже чем у их отцов, что не может не повлиять на механизм принятия ключевых решений в семьях [23]. При этом положение вещей меняется и в самых консервативных обществах, таких как Саудовская Аравия и Йемен [24].

Анатолий Вишневский, директор Института демографии НИУ ВШЭ, также показывает, что острота гендерных вопросов на Арабском Востоке - это результат демографического перехода, который не до конца осмыслен обществами региона. Конфликт между «ревнителями старины» и «модернистами» осложняется тем, что новые порядки, в т.ч. в отношении гендерных ролей, воспринимаются частью обществ как навязанные западной культурой. При этом процесс модернизации неостановим и поддерживается стремительным сокращением рождаемости и увеличением продолжительности жизни, а также распространением научных, технических и социальных инноваций [25, с. 57-76].

ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА

Феминистские исследования по проблемам гендерного неравенства на Арабском Востоке, в основном, выполнены теми учеными, которые работают (и чаще всего получили образование) за рубежом. Социология в большинстве арабских университетов, по мнению местных исследователей, находится в фазе становления, а кроме того, не может считаться независимой, что ведет к недостаточной глубине анализа и ограниченности тем [26]. Абу-Халиль показывает, что гендерные исследования на Арабском Востоке еще недостаточно развиты [22].

С конца 1980-х гг. целая плеяда ученых начинает публиковать работы, в которых развенчивается миф о тотальной угнетенности женщин в исламе. Задача этих исследователей - дать возможность арабским женщинам самим сказать, что их волнует, как они воспринимают свое положение и как видят будущее свое и своих детей.

Основательницы этого направления - Лиля Абу-Лугод (профессор Колумбийского университета палестино-американского происхождения), Бутайна Шаабан (сирийская исследовательница и политик), Дениз Кандийоти (турецкая исследовательница прав женщин) - выступили с критикой существующего дискурса как ориенталистского и западнцентричного. Они стали переосмысливать «гаремные теории», основанные на патерналистском восприятии женщин, которые избражались так, как будто нуждались в спасении от мужчин [27].

Основной темой этих работ является невозможность такого обобщения, как «арабские женщины», и при этом исключение самих женщин из обсуждения их опыта. Они также обращают внимание на то, что мусульманские женщины отнюдь не так пассивны, как их принято представлять, они ведут серьезную борьбу за свои права и во многих областях уже значительно изменили ситуацию.

В ряде работ В.Могадам доказывает, что представление о женщинах в исламе, как об угнетенных и не имеющих прав людях, серьезно устарело [28]. Во многих странах, например в Марокко и Тунисе, они структурно изменили ситуацию, добившись пересмотра законов, ограничивавших их права, а также представительства в парламентах [29]. Многие арабские женщины используют любую возможность, чтобы противостоять организованным против их воли бракам, продолжить образование, помочь другим, несмотря на все трудности и ограничения со стороны семьи и общества [30]. Тысячи арабских женщин работают в сфере точных наук, в медицине и высшем образовании [31]. Как утверждает одна из самых влия-

тельных теоретиков арабского феминизма Мунира Чаррад, мусульманские женщины все больше расшатывают существующие системы доминирования и подчинения и начинают сами строить свое будущее. Например, в Тунисе в ходе событий «арабской весны» они добились значительных политических прав [32].

При этом многие серьезные проблемы сохраняются. Как писала Б.Шаабан в конце 1980-х гг., девочки во многих арабских обществах жили в страхе, их девственность являлась вопросом чести семьи, их мнение не было решающим как при выборе супруга, так и при определении их образовательной траектории, а работа была вторична по отношению к домашним обязанностям [33]. Во многих странах это актуально до сих пор.

Лейла Ахмед, исследовательница исламского феминизма турецко-египетского происхождения, показывает, что дискурс подчиненного положения женщин в исламе глубоко колониален и связан с военной экспансией западных стран в мусульманские Афганистан, Ирак, Ливию. «Ужасное положение» женщин в исламском мире, которое всерьез заинтересовало европейских и американских исследователей только после событий 11 сентября, становится в глазах западных избирателей оправданием для войн, в которых эти самые женщины и теряли своих близких, и сами гибли тысячами [34]. Ахмед призывает полностью исключить этот риторический прием из (как минимум) академического дискурса, поскольку говорить о притеснениях женщин в исламе так же бессмысленно, как и в христианстве (объединяя, например, Италию, Россию, Нигерию и Нидерланды в некую общность) [35].

Один из ярких примеров того, как феминистские исследователи проблематизируют, на первый взгляд, очевидные признаки угнетенности

арабских женщин, - дискуссия о хиджабах [36]. Ахмед в книге «Тихая революция» объясняет, что мусульманские женщины могут носить хиджаб как знак своей религиозности или принадлежности к определенной культуре (в каждом обществе он завязывается особым образом). Но есть и другие смыслы, например, призыв к равенству возможностей, ограждение себя от сексистских намеков или высказываний, протест против исламофобии в европейском или американском культурном контексте [37].

Другие мусульманки, наоборот, снимают хиджаб, приходя к выводу, что в Коране нет прямого требования для женщин носить его [38]. Таким образом, поиск идентичности мусульманскими женщинами через репрезентацию себя, особенно вне исламских обществ, не может быть сведен к дискурсу доминирования-подчинения [39]. Сами женщины, в т.ч. неграмотные, в исламских странах, например, в Арабских Эмиратах, однозначно высказываются за гендерное равноправие в образовании и на рынке труда и создают образовательные возможности для взрослых и детей [40].

Ахмед утверждает, что в гендерно-сегрегированных обществах Ближнего Востока «женский ислам» - миролюбивый, устный, мистический, домашний - очень отличается от «мужского», связанного с письменной традицией, историей, интерпретацией текстов, доктринального, националистического, патриархального и доминирующего. Она идет дальше и противопоставляет этот «женский» ислам, и шире, ислам простого народа, связанный с духовной жизнью и поисками человека перед лицом Бога, клерикальному, жесткому исламу образованных мужчин, шейхов, мулл и аятолл, воспитанных на средневековых текстах, а не на устной, живой культуре [40, р. 94].

Список литературы / References

1. Inglehart R., Norris P. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
2. Nussbaum M.C. *Women and Human Development*. New York: Cambridge University Press, 2000.
3. Bin Zanin B. 2012. Algerian women and change: their role and involvement into politics // *Algerian Journal of Anthropology and Social Sciences (Humanities)*. № 57-58, pp. 13-38 (In Arab.)
4. Afary J. 2004. The human rights of Middle Eastern & Muslim women: a project for the 21st century // *Human Rights Quarterly*. Vol. 26, № 1, pp. 106-125.
5. Patai R. *The Arab Mind*. New York: Scribner's, 1983 [1973].
6. Inglehart R. *Islam, Gender, Culture, and Democracy: Findings from the World Values Survey and the European Values Survey*. Willowlale: De Sitter Publications, 2003.
7. Inglehart R., Norris P. 2003. The True Clash of Civilizations // *Foreign Policy*. № 135, pp. 62-70.
8. Tessler M. 2002. Islam and democracy in the Middle East: The impact of religious orientations on attitudes toward democracy in four Arab countries // *Comparative Politics*. № 34, pp. 337-354.
9. Alexander A.C., Welzel C. 2011. Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values? // *International Review of Sociology*. Vol. 21, № 2, pp. 249-276.
10. Fish S.M. *Are Muslims Distinctive? A Look at the Evidence*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
11. Fish S.M. 2002. Islam and authoritarianism // *World Politics*. Vol. 55, № 1, pp. 4-37.

12. Kostenko V., Kuzmichev P., Ponarin E. 2016. Attitudes towards Gender Equality and Perception of Democracy in the Arab World // *Democratization*. Vol. 23, № 5, pp. 862-891.
13. Fawcett L. *International relations of the Middle East*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
14. Moghadam V.M. *Modernizing women: Gender and social change in the Middle East*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2013 (3rd edition).
15. Ross M. *The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations*. Princeton: Princeton University Press, 2012.
16. Исаев Г., Даушвили Г. Проблемы и стимулы развития энергетики Северной Африки и Ближнего Востока: Иран, Саудовская Аравия, Алжир, Ливия // *Нефть, газ, модернизация общества / под ред. Н.Добронравина, О.Марганин*. СПб, 2008, с. 285-394. (Isaev G., Daushvili G. 2008. Problems and incentives of MENA power industry: Iran, Saudi Arabia, Algeria, Libya // *Oil, gas, and societal modernization*. Saint Petersburg, pp. 285-394) (In Russ.)
17. Ross M. 2008. Oil, Islam and Women // *American Political Science Review*. Vol. 102, № 1, pp. 107-123.
18. Jones Luong P., Wienthal E. *Oil is not a Curse: Ownership Structure and Institutions in Soviet Successor States*. New York: Cambridge University Press, 2010.
19. Moghadam V.M. 2016. Engendering Development Sociology // *The Sociology of Development Handbook*, pp. 25-33.
20. Spierings N., Smits J., Verloo M. 2009. On the compatibility of Islam and gender equality: Effects of Modernization, State Islamization, and Democracy on Women's Labor Market Participation in 45 Muslim Countries // *Social Indicators Research*. Vol. 90, № 3, pp. 503-522.
21. Kelly S. 2009. Recent gains and new opportunities for women's rights in the Gulf Arab states // *Women's Rights in the Middle East and North Africa: Gulf Edition*, pp. 1-8.
22. Abu Khalil A. 1997. Gender boundaries and sexual categories in the Arab world // *Gender Issues*. Vol. 15, № 1, pp. 91-104.
23. Fargues P. 2005. Women in Arab countries: challenging the patriarchal system? // *Reproductive Health Matters*. Vol. 13, № 25, pp. 43-48.
24. Doumato E.A. 1999. Women and Work in Saudi Arabia: How Flexible Are Islamic Margins? // *Middle East Journal*. Vol. 53, № 4, pp. 568-583.
25. Вишнеvский А.Г. Цивилизация, культура и демография // *Общественные науки и современность*. 2011, № 2, с. 57-76. (Vishnevskiy A.G. 2011. Civilization, culture, and demography // *Social sciences and modernity*. № 2, pp. 57-76) (In Russ.)
26. As-Saidi F. 2005. Sociological Studies in Tunisia: topics and agenda // *Algerian Journal of Anthropology and Social Sciences (Humanities)*. № 27, pp. 11-26 (In Arab.)
27. Abu-Lughod L. 2002. Do Muslim women really need saving? Anthropological reflections on cultural relativism and its others // *American anthropologist*. Vol. 104, № 3, pp. 783-790.
28. Moghadam V.M. 2003. Engendering citizenship, feminizing civil society: The case of the Middle East and North Africa // *Women & Politics*. Vol. 25, № 1-2, pp. 63-87.
29. Moghadam V.M. 1999. Gender, National Identity and Citizenship: Reflections on the Middle East and North Africa // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. Vol. 19, № 1, pp. 137-157.
30. Jabre B., Underwood C., Goodsmith L. *Arab women speak out: Profiles of self-empowerment*. Johns Hopkins Center for Communication Programs, 1997.
31. Koblitz A.H. 2016. Life in the Fast Lane Arab Women in Science and Technology // *Bulletin of Science, Technology & Society*. Vol. 36, № 2, pp. 107-117.
32. Charrad M.M. 2011. Gender in the Middle East: Islam, state, agency // *Annual Review of Sociology*. Vol. 37, pp. 417-437.
33. Shaaban B. *Both right- and left-handed: Arab women talk about their lives*. Bloomington: Indiana University Press, 1988.
34. Abu-Lughod L. 2010. The Active Social Life of "Muslim Women's Rights" A Plea for Ethnography, not Polemic, with Cases from Egypt and Palestine // *Journal of Middle East Women's Studies*. Vol. 6, № 1, pp. 1-45.
35. Ahmed L. *Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate*. New Haven: Yale University Press, 1992.
36. Mule P., Barthel D. 1992. The return to the veil: Individual autonomy vs. social esteem // *Sociological Forum*. Vol. 7, № 2, pp. 323-332.
37. Afshar H. 2008. Can I see your hair? Choice, agency and attitudes: the dilemma of faith and feminism for Muslim women who cover // *Ethnic and racial studies*. Vol. 31, № 2, pp. 411-427.
38. Ahmed L. *A quiet revolution: The veil's resurgence, from the Middle East to America*. New Haven: Yale University Press, 2014.
39. Scott J.W. *The politics of the veil*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
40. Ahmed L. 2000. The women of Islam // *Transition*. № 83, pp. 78-97.